

Юлия Анатольевна Русина

DOI: <https://doi.org/10.31648/an.3631>

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в Екатеринбурге

ХАРАКТЕРЫ СОВЕТСКИХ ДИССИДЕНТОВ В ЭМИГРАНТСКИХ ЗАПИСКАХ АДВОКАТА ДИНЫ КАМИНСКОЙ¹

Key words: Soviet dissidents, Soviet political trials, attorney Dina Kaminskaya

Конечно, усилия тщетны,
И им не вдолбить ничего:
Предметы для них беспредметны,
А белое просто черно.
Судье заодно с прокурором
Плевать на детальный разбор,
Им лишь бы прикрыть разговором
Готовый уже приговор².

Имя адвоката Дины Исааковны Каминской (1919-2006) связано с историей инакомыслия в Советском Союзе в его правозащитном дискурсе. Дина Каминская вместе с Софьей Калистратовой, Борисом Золотухиным, Семёном Арией, Николаем Монаховым, Юрием Поздеевым и другими адвокатами защищала советских диссидентов на политических процессах 1960-х – 1970-х гг. Тексты ее выступлений в суде распространялись в самиздате. Подзащитными Д. Каминской были люди, вписавшие

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-21-07002-ОГН «Человек советский в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.».

² В качестве эпиграфа приведены слова из песни известного советского барда Юлия Кима, о которой он сам писал так: «1968 г., после суда над демонстрантами, вышедшими на Красную площадь протестовать против погрома Пражской весны, я сочинил „Адвокатский вальс” и, помню, вечером спел его подряд несколько раз для наших „защитников правозащитников” – были там Борис Золотухин, Дина Каминская, Юрий Поздеев и, конечно, Софья Васильевна (Калистратова). Им эта песня и посвящается, а Софье Васильевне – в первую очередь» [Ким].

свои яркие страницы в историю диссидентского движения в период т. н. «позднего социализма»: Владимир Буковский (дело о демонстрации 22 января 1967 г., процесс в августе – сентябре 1967 г.), Юрий Галансков («Процесс четырех», январь 1968 г.), Лариса Богораз и Павел Литвинов (дело о демонстрации на Красной площади, 25 августа 1968 г., процесс в октябре 1968 г.), Мустафа Джемилев и Илья Габай (дело о крымско-татарском самиздате, процесс в январе 1970 г., Ташкент). В 1971 г. адвокат была лишена допуска к политическим делам, «не выдержав экзамена на политическое послушание» [Каминская 2006, 39].

Дина Каминская – мать американского политолога Дмитрия Саймса и жена научного работника, правоведа Константина Симиса. Именно исследование последнего *СССР – стана коррупции*, подготовленное для публикации под псевдонимом на Западе, стало решающим поводом для Комитета Госбезопасности (КГБ или «Галины Борисовны» в диссидентском фольклоре), чтобы выдавить эту семью в эмиграцию в 1977 г.

Воспоминания Каминской *Записки адвоката* вышли в США в издательстве Хроника-Пресс в 1984 г. Это издательство было создано советским правозащитником Валерием Чалидзе, одним из основателей Комитета по защите прав человека в СССР (1970 г.), вместе с Павлом Литвиновым, внуком наркома иностранных дел Максима Литвинова и американским общественным деятелем Эдвардом Клайном, организовавшим в Нью-Йорке некоммерческое Издательство имени Чехова для выпуска книг, запрещенных в СССР цензурой (1967 г.).

Несмотря на четыре сотни листов, *Записки* воспринимаются довольно лаконичным произведением, сконцентрированным, в основном, на правовой проблематике. Такому восприятию способствует сдержанный стиль автора, последовательность и логика в изложении событий, взвешенность оценок и суждений. Главная линия повествования – это, конечно, череда судебных процессов, в которых Дине Исааковне довелось выступать в качестве защитника обвиняемых. Речь идет именно о тех послехрущевских судах над инакомыслящими, которые имели наибольший резонанс как внутри страны, так и за ее пределами. В главе, посвященной ответу на вопрос «Что такое советское правосудие», дается детальнейший анализ судебной системы в ее политическом аспекте. Автор рассказывает не только о судебных заседаниях, демонстрируя их в лицах и диалогах, а представляет саму «кухню» следственных, досудебных разбирательств, технологию психологического воздействия на подсудимых-диссидентов, свидетельствует о полной зависимости судей от решения высших партийных инстанций и органов госбезопасности, где и определялись приговоры. О своей роли в этом действе, которое кто-то справедливо называл «фарсом», Д. Каминская говорит так: «Политические процессы ставили перед адвокатами множество глобальных проблем – проблем социальных и нравственных, психологических и правовых» [Каминская 2006, 311].

В то же время повествование наполнено именами, характерами и портретами людей, стоявшими по разные стороны судебного и социального барьеров, как в прямом, так и в переносном смысле: обвиняемых-диссидентов и их судей; друзей автора, просто коллег из адвокатской среды и партийно-советских функционеров со следователями КГБ.

Присутствует в тексте книги и естественный для мемуарного жанра рассказ о семье, о родителях автора. И здесь обнаруживаются, возможно скрывающие за собой какую-то тайну, сведения о том, что еврейская семья, глава которой состоял до революции в партии сначала эсеров, а потом – кадетов, никак не пострадала в советское время. Миновали ее лагеря и тюрьмы, никогда ни над кем из ее представителей не нависала угроза чекистских допросов. Напротив, отец Дины Исааковны, Исаак Ефимович Каминский, будучи беспартийным, не считал нужным скрывать своего прошлого и во всех анкетах указывал свою причастность к оппозиционным партиям, что не помешало ему до 1937 г. возглавлять Промышленный банк СССР. Сама будущий адвокат, с ее слов «росла вполне советским ребенком». «В положенное время в школе стала пионеркой, охотно участвовала во всех школьно-пионерских мероприятиях» [Каминская 2006, 26].

Решив стать юристом в продолжение семейных традиций (вслед за отцом и старшей сестрой), Дина в 1937 г. поступила в Московский юридический институт и 37 лет посвятила адвокатской деятельности. Еще во время учебы она поняла, что больше всего ее привлекает «азарт состязательности судебного процесса» [Каминская 2006, 21], и, выбирая между стороной обвинения и защиты, предпочла последнюю.

Есть в *Записках* рассказ о первом открытом политическом процессе 1960-х гг. над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем. Каминской не пришлось стать защитником одного из них, хотя к ней обращались жены литераторов, обвиняемых в антисоветской агитации и пропаганде, Мария Розанова и Лариса Богораз. Однако ее кандидатура была отведена Коллегией адвокатов. Этот процесс имеет рубежное значение, от него пошел отсчет истории правозащитного движения в СССР. Ему посвящено сегодня немало исследований и воспоминаний, документальных публикаций [См. *Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля* 1967; Алексеева 1992; *Цена метафоры, или преступление и наказание Синявского и Даниэля* 1989; Шубин 2008; Русина 2015]. Автор *Записок* справедливо отмечает, что в сознании и поведении советских людей произошел тогда перелом, значение которого трудно переоценить. События декабря 1965 – января 1966 гг., когда судили Синявского и Даниэля, заставили многих заново определить свое место в жизни, свою нравственную позицию. До этих дней, пишет Каминская: «Единственной законной и понятной для меня и тех, кого я знала, формой выражения несогласия было молчание. Молчание стало мерилom мужества и порядочности человека» [Каминская 2006, 61]. Теперь молчаливого неучастия стало недостаточно. В потоке

писем и подписных кампаний в защиту писателей, опубликовавших свои произведения за границей, она видит «изменения нравственного климата в стране» [Каминская 2006, 187].

Говоря в общем о диссидентском движении, Д. Каминская отмечает, что во многом разделяла взгляды правозащитников, а защищая их, чувствовала, что сама каким-то образом участвовала в их борьбе. С другой стороны, вспоминая 1960-е годы и свое знакомство с теми, кто впоследствии приобрел широкую известность благодаря диссидентской активности, адвокат говорит, что их, «безусловно, объединял нонконформизм (...) мужество, готовность жертвовать своим благополучием и даже свободой». Но Дина Исааковна обращает внимание и на то, что это были очень разные люди, «иногда слишком увлеченные азартом политической борьбы (...) недостаточно терпимые к мнениям и убеждениям других людей (...) недостаточно бережно, без необходимой щепетильности распоряжающиеся судьбами тех, кто им сочувствует». Размышляя обо всем этом, она однажды сказала мужу: «Знаешь, они, конечно, очень достойные и мужественные люди, но, когда я подумала, что вдруг случится так, что они окажутся у власти, – мне этого не захотелось» [Каминская 2006, 243].

Владимир Буковский (род. в 1942 г.)

Первый политический процесс адвоката Дины Исааковны Каминской – дело Владимира Буковского. 22 января 1967 года около в 6 часов вечера в центре Москвы, у памятника Пушкину прошла демонстрация с требованиями освободить арестованных за изготовление и распространение самиздата Алексея Добровольского, Юрия Галанскова, Веру Лашкову и пересмотреть статьи Уголовного кодекса об «антисоветской агитации и пропаганде» (ст. 70) и о «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (ст. 190-1). Организовал демонстрацию 24-летний Владимир Буковский.

Документальный сборник с материалами этого политического процесса был составлен Павлом Литвиновым и через год опубликован в Лондоне [*Правосудие или расправа?...* 1968]

О «конструкции защиты» по этому делу Каминская говорит следующее: «Я признавала все: и то, что он организовал демонстрацию, и то, что сам участвовал в ней, и то, что изготовил лозунг, а затем на площади молча поднял его над своей головой. Я не признавала только того, что это – уголовное преступление» [Каминская 2006, 203].

О своем первом впечатлении о Буковском адвокат рассказывает так: «Я сижу за большим письменным столом. Напротив меня молодой человек. На нем клетчатая рубашка с отложным воротником. Коротко, по-тюремному

остриженные волосы. Что-то – может быть, выражение глаз, высокий лоб, ощущение внутренней силы – напоминает портреты молодого Ленина» [Каминская 2006, 204].

Этого человека, который впоследствии стал очень известным и кому народное творчество посвятило частушку: «Обменяли хулигана /На Луиса Корвалана», Д. Каминская характеризует эпитетами: «**неистовый**» и «**несгибаемый**», «**твердый**» и «**непримиримый**» ко всякой форме тоталитаризма, ко всякому подавлению демократии.

На следствии, не признавая своей вины и называя демонстрацию «гарантированным конституционным правом», В. Буковский, взял на себя всю ответственность за организацию и проведение демонстрации, прямо заявлял о своих антикоммунистических взглядах, а судебного заседания, по собственному признанию, «ждал как праздника», который даст ему трибуну и возможность открыто заявить о своих политических взглядах и убеждениях [Каминская 2006, 214]. И, действительно его «последнее слово» на суде, по свидетельству Каминской несло огромную взрывную силу и бесстрашие формулировок: «(...) впервые со времен наступления сталинского террора в открытом судебном заседании звучали слова такой беспощадной критики в адрес советского строя» [Каминская 2006, 236].

Д. Каминская пишет о своем подзащитном: «(...) читая показания Владимира, оценивая их, я с каждой страницей дела все больше поражалась его твердости, все больше думала о том, какую дорогую цену готов платить этот еще только начинающий жить человек за то, чтобы быть самим собой, (...) Во всех своих показаниях он употреблял только одно местоимение – «я». „Я организовал“, „Я инструктировал“, „Я предлагал тексты лозунгов“» [Каминская 2006, 207].

Наблюдавший за работой адвоката следователь КГБ (имени которого автор не называет), как-то поделился с Диной Исааковной своими размышлениями о подсудимом Буковском. Называя его **врагом**, он все же отдавал дань **мужеству** молодого заключенного: «У меня есть сын. Я его очень люблю. Я очень хочу, чтобы он был счастливым, чтобы у него была хорошая жизнь. Но я хотел бы, чтобы он обладал такими же человеческими качествами, как Буковский». На что Каминская отреагировала: «Боюсь, что счастливая жизнь с такими человеческими качествами несовместима» [Каминская 2006, 217]. Об этом же следователе есть сюжет в воспоминаниях самого подсудимого *И возвращается ветер...*: «Чем-то он мне даже нравился – высокий, лобастый, с открытым лицом. (...) Не знаю, верно ли это, но мужик он был, по-моему, неплохой. Только работа у него была скверная» [Буковский 1990, 221]. Что примечательно, до прихода в органы госбезопасности этот офицер был школьным учителем.

Павел Литвинов (1940 г. рожд.) и Лариса Богораз (1929-2006)

Глава *Записок*, посвященная делу о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г., отличается от остального, эмоционально сдержанного текста, пафосом гордости за людей к числу друзей которых Дина Исааковна не без оснований себя причисляла. Каминская разделяла их взгляды, ее привлекала нравственная основа их убеждений и методов, которые впоследствии стали основой правозащитного движения, у них совпадали оценки советской действительности. «Впервые за годы своей работы я ехала в тюрьму на свидание с людьми, которые были мне дороги, которых я любила и которыми восхищалась» [Каминская 2006, 246].

На этих страницах чувствуется нервный накал тех дней, когда с «пожарной скоростью» расследовалось дело, взятое под особый контроль «Галиной Борисовной». «Следователи в течение двух недель не только завершили допросы семи арестованных демонстрантов, примерно тридцати свидетелей, но и обеспечили проведение семи психиатрических экспертиз (...)» [там же].

Имена участников демонстрации получили мировую известность: Константин Бабицкий, Лариса Богораз-Даниэль, Наталья Горбаневская, Вадим Делонэ, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг.

Особенностью процесса о демонстрации на Красной Площади в Москве автор *Записок* называет то обстоятельство, что среди подсудимых не было «главных и подчиненных, инициаторов и присоединившихся, сомневавшихся и раскаявшихся» [Каминская 2006, 281].

Дина Каминская защищала двоих, Павла Литвинова и Ларису Богораз. Павлу 28 лет, Ларисе – 39. Он – по образованию физик, она – филолог, кандидат наук. Рассказывая о своих друзьях-подзащитных, она пишет: «Павел и Лариса, с точки зрения любого адвоката, „отличные“ подзащитные. **Умные, образованные, умеющие прекрасно формулировать свои мысли.** Они ставили перед собой единственную задачу – рассказать правду о том, почему пришли на Красную площадь, какие мотивы руководили ими» [Каминская 2006, 268].

Характеризуя их состояние на следствии и в суде, Каминская говорит: «сдержанность» и «спокойствие». «Каждое утро я ехала в Лефортово с чувством, что меня ждут, что я нужна. Какой тяжелой оказалась для меня потеря этого чувства в нынешней уравновешенной и размеренной жизни в эмиграции!» [Каминская 2006, 263].

Сравнивая Литвинова и Богораз с Буковским, Каминская отмечает, что их поведение и показания на следствии, в судебных заседаниях не так эффективны, как «бьющие в глаза своей непримиримостью и политическим темпераментом показания» молодого бунтаря. Однако, «это не потому, что

участники демонстрации на Красной площади – люди менее мужественные, менее убежденные. Просто они другие» [Каминская 2006, 249]. Так, если В. Буковский неудержимо стремился высказывать свои политические убеждения, то все участники демонстрации на Красной площади вообще отказались беседовать со следователями о своих взглядах и убеждениях, ограничившись лишь объяснением мотивов демонстрации.

Юрий Галансков (1939-1972)

Юрий Галансков – одна из самых трагических судеб в истории советского диссидентства. Получив 7 лет по ст. 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда», он погиб в Мордовских лагерях строгого режима в возрасте 33 лет 4 ноября 1972 года. Через 5 лет и 10 месяцев после ареста.

В конце 1950-х гг. Юрий был организатором и участником собраний и чтения стихов у памятника Маяковскому в Москве. А в 1968 г. его судили за создание и распространение самиздата с антисоветскими текстами и за связь с Народно-Трудовым Союзом (НТС), организацией, признанной в СССР антисоветской. В свой поэтический, с явной пацифистской тональностью, альманах *Феникс* он включил статью осужденного литератора Андрея Синявского «Что такое социалистический реализм» и собственное открытое письмо Михаилу Шолохову, резко осудившему с трибуны XXIII съезда КПСС писателей А. Синявского и Ю. Даниэля.

Вместе с Галансковым на скамье подсудимых были Александр Гинзбург (за создание *Белой книги* по делу Синявского и Даниэля), Алексей Добровольский (за распространение самиздата и связи с НТС) и Вера Лашкова (машинистка, печатавшая самиздатские тексты). «Процесс четырех», один из самых известных в поздней советской истории, нашел отражение в творчестве Юлий Кима, посвятившего этому событию песню *Московский суд в январе 1968 г.:*

Тут за стеною ставит суд законы вне закона.
Корреспонденты в стороне внимательно-нейтральны.
И горстка граждан жметесь тут как зэки в центре зоны.
Пришли за правду порадеть и крест принять опальный...

Своего подзащитного Д. Каминская назвала «**человеком-нонконформистом**», отмечая, что его оппозиционность распространялась не только на поэзию, которой он был увлечен, но на все, что происходило в мире и жизни самого Ю. Галанскова. «Все, что случалось в мире, имело к нему самое непосредственное отношение. Всякая несправедливость воспринималась им как сигнал бедствия, требующий его немедленной помощи. У Юрия была природная, лишенная всякого насилия разума над чувством, потребность поступать только **в согласии с совестью**. (...)

Слова „**добрый**”, „**бескорыстный**” определяют характер Юрия Галанскова, только если их употреблять в самом крайнем, преувеличенном почти до невероятности смысле» [Каминская 2006, 304–305].

Д. Каминская цитирует в своей книге удивительно нежные письма Юрия к родным (маме, жене, сестре). В них есть совершенно невероятные строки, отражающие поэтический склад души этого человека, дар видеть красоту: «Сижу на работе, шью рукавицы. Часов в 10 случайно посмотрел в окно. Бог мой! Надел шапку, укутался в шарф, выбежал на улицу. Под золотым солнечным небом покрытые снегом розовые крыши. Вот оно! – обрадовался я. Присмотрелся и вижу – из труб валит фиолетовый дым, а северо-западная часть неба – сиреневая. А какие были закаты в первых числах января! Даже малиновые. В Сочельник вспоминал о родных и близких, о дорогих нам людях» [там же].

Но, в то же время, адвокат характеризует Юрия как «**трудного защитного**». Причина непростого, а подчас неадекватного поведения Галанскова на судебных заседаниях заключалась в том, страдая от серьезного заболевания, он испытывал постоянные боли. Изнуренный физически и нравственно, он, по свидетельству Каминской, пытался скрыть свою слабость «бравадой, грубой насмешкой над следователем, иногда даже переходящей границы приличия. (...) Не хотел, чтобы чужие и враждебные ему люди видели, как ему трудно. Он шел на то, чтобы вызвать у них раздражение, так как не хотел вызвать у них чувство жалости» [Каминская 2006, 324].

Илья Габай (1935-1973)³ и Мустафа Джемилев (1943 г. рожд.)

Мустафа Джемилев и Илья Габай обвинялись в изготовлении и распространении целого ряда «клеветнических» документов: информации, открытых писем и обращений, связанных с судьбой и положением депортированного из Крыма в Среднюю Азию крымско-татарского народа. Оба они не отрицали, что являются соавторами почти всех этих документов, но утверждали, что приведенные в них факты соответствуют действительности, а потому виновными себя не признавали [Каминская 2006, 387].

О Мустафе Каминская говорит, как о «**совершенно сложившемся человеке**» с «**волевым и целеустремленным, негибемым харак-**

³ Илья Габай ушел из жизни, покончив с собой, после вызова на допрос в органы госбезопасности, находясь под тяжелым впечатлением от суда над Виктором Красиным и Петром Якиром, которые пошли на сделку со следствием и публично осудили правозащитную деятельность, дав показания против многих инакомыслящих. Образ И. Габая воплощен в одном из главных героев романа Людмилы Улицкой *Зеленый шатер*, 2011.

тером». Из своих бесед с Джемилевым адвокат вынесла убеждение, что «нет силы, способной свернуть этого человека с избранного им пути, по которому он пошел с ранней юности, не зная **ни сомнений, ни колебаний**» [Каминская 2006, 391]. В этих словах много правды: М. Джемилев и сегодня в политике, он остается лидером крымско-татарского сообщества, не принявшего присоединение Крыма к России.

Второго своего подзащитного в этом процессе, Илью Габая, Каминская называет «**гуманистом, интеллигентом, просветителем**», так же говорит о его «**доброте, мягкости, таланте и образованности**». Москвич, школьный учитель русской литературы по призванию, он, со слов адвоката, «удивительно умел **понимать людей**, а понимая – **прощать**». Все знакомые называли его, не иначе как, Илюша. И, когда Дине Исааковне приходилось «разговаривать об Илюше с людьми, которые его знали, на лицах собеседников неизменно появлялись улыбки» [там же].

«У Мустафы – качества **бойца, последовательного и решительного**. Ильюша же был совсем другим. Он был создан для того, чтобы писать стихи, (...) учить и воспитывать детей, читать книги. (...) Даже следователь по особо важным делам Березовский, прожженный циник и карьерист, как-то, когда Габая не было в кабинете, сказал: Хороший он человек, ваш Габай. Мне его жалко. Я понимаю Джемилева. Он татарин и борется за свой народ. А что надо Габаю? Зачем он, еврей, полез в это чужое для него дело?!» [Каминская 2006, 392].

Д. Каминская цитирует стихи И. Габая, которые помогли ей глубже проникнуть в его духовный мир, осознать подлинные причины его поступков: «Я хотел бы, чтобы боль чужая/ Жила во мне щемящей сердце болью (...)» [там же].

Дело о крымско-татарском самиздате стало последним политическим процессом, к которому была допущена адвокат Дина Исааковна Каминская. И хотя она больше не вела политических дел, но продолжала общаться с инакомыслящими, консультировала диссидентов по вопросам права, рекомендовала адвокатов.

Все диссиденты, кого защищала адвокат Д. Каминская, получили сроки, «спущенные суду сверху». Буковкский, Габай и Джемилев – по 3 года лагерей, Литвинов и Богораз – 5 и 4 года ссылки, соответственно, Галансков – 7 лет строгого режима. Но оценивая роль защитника на политических процессах и свое отношение к инакомыслию Д. Каминская обращает внимание на то «(...) что ставшая наглядной для всего мира неосновательность осуждения диссидентов в Советском Союзе стала возможна и благодаря адвокатам». «(...) Возможности защиты по политическим делам в Советском Союзе были чрезвычайно ограничены. И не столько пределами самоцензуры, которая довлела над каждым из нас, сколько тем, что советский суд не вправе признать неконституционность того или иного закона». «Я никогда не называла себя диссидентом.

Ни тогда, когда жила в Советском Союзе, ни, тем более, после того, как его покинула. Я не присваивала себе этого титула в силу его несомненной для меня почетности. Я всегда понимала разрыв между мужеством, которое требовалось для того, чтобы выйти на Красную площадь, демонстрируя свой протест против оккупации Чехословакии, и той степенью смелости, которой должен обладать адвокат, защищая этих людей. Но, защищая инакомыслящих, я считала, что тем самым участвую и в развитии правосознания советских людей, и в развитии всего правозащитного движения» [Каминская 2006, 62].

В январе 1973 г. сын Каминской и Симиса, Дмитрий, эмигрировал в США. Однако Дина Исаковна и ее муж решили остаться. Они ощущали кровную связь с Россией, считая, что должны разделить судьбу ее народа. Кроме того, Каминская не мыслила жизни вне адвокатуры и понимала, что отъезд из страны равнозначен потере любимой профессии. В то же время им давно, с 1967 г., было известно, что телефон «и каждый шорох в квартире прослушивается круглосуточно» [Каминская 2006, 267]. Среди друзей адвоката бытовало слово *индукция* вместо «длинного и неблагозвучного *прослушивание*». Если во время телефонного разговора «кто-нибудь говорил: – У меня телефон с *индукцией*, – всем было понятно, о чем идет речь» [Каминская 2006, 271].

Однако во второй половине 1970-х гг. за Каминской и Симисом была установлена так называемая «демонстративная слежка», цель которой – психологическое воздействие. В 1977 г., они подверглись допросам в КГБ, на мужа Каминской было заведено уголовное дело в связи с рукописью книги о коррупции, подготовленной к передаче на Запад, его уволили с работы и под угрозой ареста семья вынуждена была эмигрировать в США. Проработав в советском суде 37 лет, Дина Каминская следующие 30 лет своей жизни прожила вдали от Родины.

Библиография

- Alekseeva Lûdmila Mihajlovna. 1992. *Istoriâ inakomysliâ v SSSR: Novejšij period*. Moskva: Vest', Vil'nûs: VITO [Алексеева Людмила Михайловна. 1992. *История инакомыслия в СССР: Новейший период*. Москва: Весть, Вильнюс: VITO].
- Belaâ kniga po delu A. Sinâvskogo i Ū. Daniëlâ*. 1967. Sost. Ginzburg A. Frankfurt-na-Majne [Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля. 1967. Сост. Гинзбург А. Франкфурт-на-Майне: Посев].
- Bukovskij Vladimir. 1990. *I vozvrâšaetsâ veter...* Moskva: IPF «Original» [Буковский Владимир. 1990. *И возвращается ветер...* Москва: ИПФ «Оригинал»].
- Cena metaforu, ili prestuplenie i nakazanie Sinâvskogo i Daniëlâ*. 1989. Sost. Velikanova E.M. Moskva: Izdatel'stvo «Kniga» [Цена метафоры, или преступление и наказание Синявского и Даниэля. 1989. Сост. Великанова Е.М. Москва: Издательство «Книга»].

- Kaminskaâ Dina. 2006. *Zapiski advokata*. Moskva: Novoe Literaturnoe Obzrenie [Каминская Дина. 2006. *Записки адвоката*. Москва: Новое Литературное Обозрение].
- Kim Ūlij. *Udivitel'naâ ženšina*. V: <http://old.memo.ru/library/books/sw/chapt18.htm> [Dostup 19 V 2018] [Ким Юлий. *Удивительная женщина*. В: <http://old.memo.ru/library/books/sw/chapt18.htm> [Доступ 19 V 2018].
- Pravosudie ili rasprava? Delo o demonstracii na Puškinskoj plošadi 22 ânvarâ 1967 g. Sbornik dokumentov*. 1968. Red. Litvinov P. London: Overseas Publications Interchange, Ltd. [*Правосудие или расправа? Дело о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 г. Сборник документов*. 1968. Ред. Литвинов П. London: Overseas Publications Interchange, Ltd.].
- Rusina Ūliâ. 2015. *Samizdat VSSSR: teksty i sud'by*. V: <http://docplayer.ru/25979076-Yu-a-rusina-samizdat-v-sssr-teksty-i-sudby.html> [Dostup 19 V 2018] [Русина Юлия. 2015. *Самиздат в СССР: тексты и судьбы*. В: <http://docplayer.ru/25979076-Yu-a-rusina-samizdat-v-sssr-teksty-i-sudby.html> [Доступ 19 V 2018].
- Šubin Aleksandr Vladlenovič. 2008. *Dissidenty, neformaly i svoboda v SSSR*. Moskva: Veče [Шубин Александр Владленович. 2008. *Диссиденты, неформалы и свобода в СССР*. Москва: Вече].

Summary

CHARACTERISTICS OF SOVIET DISSIDENTS IN THE EMIGRANT'S *ATTORNEY'S NOTES* BY DYNA KAMINSKIIA

Dina Kaminskaya was a defense lawyer of Soviet dissidents and participated in the most famous political trials of the 1960s. She acted as a defense lawyer for the members of the human rights movement in the Soviet Union, the creators and disseminators of samizdat, those who organized protests and demonstrations, including the one on the Red Square in Moscow in August 1968. Leaving the USSR under the threat of arrest in 1977, in exile, she wrote a memoir, *Attorney's notes*, which was published in New York by the Chronicle-Press publishing house in 1984. Not only is the Soviet political judicial system with its ideological tricks vividly represented in this book, but also the portraits of those dissidents whom she knew personally and worked for as a lawyer.

Kontakt z Avtorka:
iulia.rusina@urfu.ru